

История науки присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое

Обсуждается тема написания биографий социологов. Эта исследовательская тематика рассматривается как часть многоцелевого изучения истории современной российской социологии и развития методов анализа общественного мнения в США.

Ключевые слова: биография, написание биографий.

Борис Докторов
независимый исследователь

В настоящей статье продолжается рассмотрение круга вопросов, обозначенных в моих прошлогодних публикациях: «Я стою на берегу информационного океана» («Телескоп», 2016, №1) и «О сделанном и перспективах» («Телескоп», 2016, №6). В них подводился итог 12-и летней работы по истории современной российской социологии и обсуждались направления дальнейших научных поисков. Однако, по моему мнению, ни то, ни другое не завершилось. Пока лишь начато осмысление накопленного эмпирического материала и уточнение предварительных выводов, предстоит очень многое сделать для понимания множества и иерархии задач, требующих внимательного анализа.

Начну с краткого описания размещенной здесь «мегафотографии». На ней — почти все, с кем я в рамках моего историко-социологического проекта проводил интервью или/и о ком писал биографические материалы. Фотогалерея в обобщенном виде отражает содержание недавно увидевшей свет книги «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» [1], и потому дает возможность по-новому взглянуть на сделанное. Поначалу все было просто: несколько интервью с коллегами, которых знал десятилетиями, и пара статей историко-биографического плана. Тогда это были «биографии для истории», т.е. информация для будущих историков нашей науки. В представленной коллекции 157 портретов, и, в моем понимании, она обладает мощной, самостоятельной энергией. Это уже не отдельные голоса разного тембра и разной силы, это — хор. У каждого — свой голос, но вместе — это многоголосный рассказ о развитии современной российской социологии. Это не только биографии 157 социологов, это — уже история нашей науки и наша общая биография. Сложная, во многом драматическая, но другой у нас нет.

В центре данной работы — одна конкретная по своей постановке, но весьма общая, универсальная проблема, характерная для определенного класса историко-социологических исследований: «Как писать биографии ученых?». Безусловно, существуют типы, скажем, «безлюдных» (или преимущественно «безлюдных») историко-научоведческих исследований, в которых аналитики изучают движение теоретической мысли, смену концепций и парадигм, развитие науки как социально-го института.

Но в развиваемом мною подходе к анализу прошлого российской социологии, который можно называть «человекоцентричным», или «антропологическим», исследователь, творец занимает центральное место, и потому проблема создания его «портрета», оказывается чрезвычайно важной для понимания всех аспектов науки. Ее объектно-предметных атрибутов, особенностей ее развития, всей совокупности ее теоретических и эмпирических методов, а также процесса формирования и функционирования всего профессионального сообщества. Отмечу, что проблема написания биографии ученого, рассматриваемая в широком плане, имеет априорное и апостериорное происхождение. В первом случае имеется в виду тот факт, что существование названной проблемы осознавалась мною до начала процесса массового накопления историко-биографической информации, т.е. на самых первых шагах интервьюирования российских социологов. Во втором — речь должна идти о том, что постепенное расширение массива биографической информации переместило проблему «портретирования» из плоскости ее теоретического рассмотрения в область исследо-

вательской практики. Если на теоретическом уровне углублялось осознание необходимости написания биографий отдельных ученых, то в пространстве практики актуализировался вопрос: «Как это делать?».

Как теперь обнаруживается, отчасти стихийно, отчасти осознанно, что создание биографии ученого, точнее — творческой личности, является одним из цементирующих элементов моего многолетнего двуязычного историко-социологического исследования, включающего: 1. анализ почти двухсотлетнего развития исследований общественного мнения в США и 2. изучение прошлого-настоящего (немного — будущего) современной российской социологии.

Прежде, чем перейти непосредственно к освещению практики написания биографий, обращусь к моей дискуссии десятилетней давности с Ларисой Козловой, тогда впервые обсуждался вопрос о том, как пишутся биографии ученых, и данная тематика рассматривалась на общем, или надпроектном уровне, т.е. применительно к российской и американской историко-социологической проблематике. В 2007 году материал этой дискуссии, озаглавленный «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии», был размещен на сайте «Международной биографической инициативы» [2], позже он воспроизводился на других сайтах, но до сих пор я даже не искал возможности для «бумажной» публикации этого материала. Сдерживали два обстоятельства. Во-первых, казавшийся мне несколько экзотическим и преждевременным предмет дискуссии, ведь к тому времени было написано совсем небольшое количество биографий и было проведено всего около двух десятков интервью с российскими социологами. Во-вторых, тогда я не мог быть уверенным в том, что вопрос о написании биографий займет достаточно заметное место в моей последующей работе и потому не стремился обстоятельно объяснить присутствие в заголовке «графа Калиостро». В действительности речь шла о методологии работы над биографиями.

Однако прошедшее десятилетие убедило меня в том, что методология историко-научных исследований Б.Г. Кузнецова, автора многих работ по истории физики, фундаментальной науки, серии биографических монографий, написавший книгу «Путешествие через эпохи. Мемуары графа Калиостро...» [3], принципиально определила характер моего историко-социологического проекта. В опубликованной недавно обстоятельной онлайн-брошюре «Все это вместила одна жизнь» [4] отражен путь Кузнецова в историю науки и показано, что при нашем современном понимании социологии и ее методов, сделанное им можно рассматривать не только в поле истории и философии науки, но и социологии науки. Прежде всего, сделанное им охватывает социологию творчества ученых. «Мемуары графа Калиостро», если отвлечься от фантастического сюжета, приоткрывают сложные, интимные механизмы мысленного диалога историка науки с героями его повествования. В книге Кузнецова это: Аристотель и Данте, Пушкин и Эйнштейн и многие другие классики науки и культуры.

Теперь, если иметь в виду мой проект, ситуация и в количественном и в качественном отношении принципиально иная, чем в период обсуждения с Козловой. Опубликовано свыше пятидесяти жизнеописаний американцев, оставивших яркий след в истории рекламы и анализа общественного мнения, и российских социологов, прежде всего первых поколений. Число проведенных интервью перевалило за 150. В целом, настоящая статья может рассматриваться как продолжение, развитие дискуссии с Л. Козловой; объект рассмотрения — оба направления исследований: американское и российское.

«Американский» проект, начавшийся на рубеже столетий с небольшой биографической заметки «Дж. Гэллуп — наш современник: К 100 летию со дня рождения» («Телескоп», 2000, №2), возник и развивался именно как биографический в силу ряда внешних обстоятельств, то не было следствием осознан-

ного взвешивания обсуждения со специалистами допустимых вариантов исследовательского движения. К тому же, это вообще было для меня освоением историко-социологического жанра, ибо ранее я не обращался к нему. И практически до 2008 года становление и развитие опросных технологий в США рассматривалось мною в основном через биографии тех, кто создавал и развивал огромную и значимую для американского общества опросную индустрию. Лишь в 2008 году новые технологии измерения общественного мнения и прогнозирования итогов президентских выборов стали наблюдаться в рамках социологического мониторинга первой президентской кампании Барака Обамы. Эти методолого-инструментальные и историко-социологические исследования научной практики начала XXI века были продолжены в 2012 и 2016 годах.

В период освоения историко-биографического жанра была создана серия портретов выдающихся представителей торгового и рекламного бизнесов, а так же первых ученых, рискнувших изучать мир рекламы. Назову имена тех, о ком написаны наиболее обстоятельные биографические материалы. Финис Барнум — родоначальник рекламных кампаний; Брюс Бартон — рекламист, менеджер, религиозный писатель, давший Америке новый образ Христа, Бартону принадлежат слова: «Реклама, как и церковь, обращается к тысячам, чтобы воздействовать на одного»; Харлоу Гейл — первый психолог, изучавший восприятие рекламы; Альберт Ласкер — гениальный копирайтер, это о нем сказано: «Если бы потребовалось описать историю рекламы начала двадцатого века одной фразой, то это было бы: «век Ласкера»». Ласкер и Бартон — соединили рекламу и президентские электоральные кампании, первый помог победить Уоррену Хардингу, второй — Калвину Кулиджу. Фактически, они стали первыми профессиональными политтехнологами. Дэвид Огилви — один из классиков рекламы прошлого века. В начале 1980-х журнал «Expansion» опубликовал статью об индустриальной революции и список из тридцати человек, в наибольшей степени стимулировавших важнейшие социально-экономические трансформации XX столетия, совершивших переворот в социальной практике, науке или технике. В список входили Эдисон, Эйнштейн, Кейнс, Крупп, Ленин, Маркс, Пастер и др. Был в него включен и Огилви — «папа римский современной рекламы»; Джон Пауэрс — первый в создании честной рекламы; Раймонд Рубикам — выдающийся практик и философ рекламы, он создал в своей фирме один из первых в рекламной индустрии отдел по изучению рекламы, он предоставил молодому профессору журналистики Джорджу Гэллапу неограниченные возможности для изучения эффективности воздействия рекламы, а позже поддержал его опросы общественного мнения. Уолтер Скотт — один из создателей индустриальной психологии, ему принадлежит ключевая роль в развертывании серьезных научных исследований рекламы; Александр Стюарт — один из первых организаторов торговли, ориентированной на потребителя, стимулировавшей развитие рекламы; Джон Уонамейкер — его называют апостолом честной торговли; Джон Уотсон — «звезда психологии» в рекламной индустрии; Клод Хопкинс — теоретик и практик «научной рекламы»; Пол Черингтон — статистик, специалист по планированию выборки, исследователь рынка, много сделавший для становления опросов общественного мнения; Фрэнсис Эр — создатель первого рекламного бюро «полного обслуживания». Тексты о всех этих выдающихся бизнесменах, рекламистах и ученых собраны в книге [5].

Погружение в биографии всех этих людей и, соответственно, в историю зарождения и развития того, что позже стало называться «научной рекламой», оказалось для меня неожиданным. В самом начале моего знакомства с биографией Гэллапа — тогда он для меня был лишь создателем технологии опросов общественного мнения — я прочел в одном из интервью с Гэллапом совсем неожиданное и непонятное мне его воспоминание: «Раймонд Рубикам... дал мне возможность организовать

«Audience Research», где мы изучали киноиндустрию... Моей «правой рукой» был Дэвид Огилви... С тех пор я работаю в «Gallup and Robinson» — одном из крупных агентств по исследованию рекламы». Формально в приведенных словах нет ничего указывающего на становление системы измерения общественного мнения или на существенные элементы стиля деятельности Гэллапа. В действительности здесь упомянут ключевой момент его жизни и названы имена людей, во многом определивших его личную и творческую судьбу. Меня же эти слова Гэллапа не только ввели в неизведанную мне область создания и изучения эффективности рекламы, но неожиданно повернули в сторону историко-биографического анализа. В тот момент цель моего ознакомления с жизнью Гэллапа была иной, хотелось лишь понять, как он пришел к выборочному методу изучения общественного мнения.

Сегодня мне приятно осознавать, что в тот момент я не прошел мимо не известного мне, а постарался узнать, кто же такие Рубикам и Огилви и что это за фирма — «Gallup and Robinson». Не помню деталей, возможно, я думал, что при наличии различных биографических справочников, энциклопедий, а также начинавшейся наполняться веб-сети я найду всю необходимую информацию за несколько часов или дней, но мои поиски растянулись на несколько лет; вообще говоря, они не закончились и теперь. Объяснение тому — очень простое. Во-первых, я сразу оказался в мире креативных, свободных, успешных людей, что всегда интересно. Во-вторых, я получил весьма нетривиальный источник информации о жизни американцев разных поколений, что мне, тогда лишь недавно приехавшему в Америку и крайне мало знавшему о ее истории и людях, было крайне полезно. И, в-третьих, в потоке собственно биографической информации обнаруживались ценнейшие данные о предьстории и истории опросов потребителей, а также о становлении сообщества исследователей потребительских установок. Для меня все это было новым, ранее я узнавал методологию, методы и технику социологии, в частности — опросов общественного мнения из учебников и специальной литературы, но это, можно сказать, была «рецептурная» составляющая метода, здесь же, помимо биографий ставшего вдруг заметным числа успешных копирайтеров и исследователей рекламы мне открывался генезис и «жизнь» методов. Я начинал по-новому смотреть на давно известные мне измерительные технологии.

Но самое главное, как мне представляется, заключается в том, что стремление узнать процесс рождения опросов общественного мнения вызвало мое желание, как можно полнее узнать жизнь и творчество Гэллапа, и это — в свою очередь — привлекло мое внимание к биографиям ученых. И первый принцип биографо-научоведческого изыскания, который я сформулировал для себя в 2003-2004 годах, был: «к Гэллапу — от Гэллапа и от людей, окружавших его». Позже я обобщил его, т.е. распространил на изучение жизни других героев моих биографических исследований.

Следующая моя биографическая статья, опубликованная осенью 2002 года, вообще не могла быть заранее запланированной, с именем ее героя я познакомился в конце 2001 года при очередном перелистывании многократно читанной книги Гэллапа «Пulsь демократии»; тогда у меня еще не было системы ознакомления с текстами, фокусированной на биографический анализ. Скорее всего, я пропустил бы упоминающуюся Гэллапом фамилию, если бы не ее финское звучание — Эмиль Хурья (Emil Nurja, 1892 — 1953). До отъезда в Америку я несколько лет сотрудничал с финской фирмой «Suomen Gallup Oy» и сразу хотел обратиться за помощью в сборе информации о Хурье к многолетнему руководителю фирмы — Лейле Лотти (Leila Lotti). Я знал, что она работала в этой фирме с момента ее основания в 1970 году и была в добрых отношениях с Гэллапом, обращалась к нему, как люди, дружившие с ним, — «Тэд». Но уже первые результаты работы в поисковой системе Google показали, что ответы на мои вопросы о Хурье надо искать не в

Финляндии, а в Америке. И мне повезло, вскоре должна была выйти в свет первая книга о нем — итог многолетних поисков скончавшегося год назад историка, профессора Мелвина Холли [6]. Холли был выходцем из финской семьи, финский был его первым языком, он глубоко знал финскую культуру. Возможно поэтому он взялся за изучение жизни Хурья и написал очень серьезную книгу о нем. Так или иначе, факт представления Гэллапом Хурья, его финские корни и книга Холли сразу определили мое желание узнать биографию Хурья и написать о нем; ведь тогда в России никто о нем не знал, да и в Америке — весьма немногие.

В конце 1920-х — первой половине 30-х Хурья разработывал и успешно применял процедуру прогноза исхода президентских выборов в США, «взвешивая» весьма неточные, выполненные в разных штатах и различном формате соломенные опросы. Он делал это до того, как Гэллап, Элмо Роупер и Арчибальд Кроссли начали свои опросы по репрезентативной выборке. За его точные прогнозы побед Франклина Рузвельта в 1928 и 1932 годах его называли «секретным оружием Демократов». Но развитие выборочных методов опроса и их первые «оглушительные» успехи привели к прекращению соломенных опросов, вынудили Хурью прекратить свои эксперименты, а его имя надолго исчезло из научной литературы.

Изучение траектории жизни Хурья дало мне очень многое, но главное — я понял, что биографический подход чрезвычайно полезен в историко-методологическом поиске, он не только позволяет узнать о сделанном тем или иным исследователем, аналитиком, но также — понять мотивацию его профессиональной деятельности и обратить внимание на биографичность творчества. Этим важным для понимания истории науки обстоятельством невозможно найти в литературе по методологии измерения и прогнозирования общественного мнения. И еще один важный урок я вынес из знакомства с построениями Хурья, несколько лет я рассматривал его подход лишь как исторический курьез, некий тупик в развитии методов прогноза итогов президентских выборов, но практика показала ошибочность этой оценки. В том, что делалось в 2012 и 2016 годах в опоре на «Big Data», можно усмотреть движение по тому пути, который первым обнаружил Хурья. Конечно, это не означает, что современные псефологи (специалисты по электроральным прогнозам) опираются на методологию и опыт Хурья, это — переоткрытие его метода, сделанное на новом витке науки.

Несколько лет спустя были написаны биографические статьи о пионерах изучения общественного мнения: Элмо Роупере, Арчибальде Кроссли и Хедди Кэнтриле, которые вместе с очерком о Б.А. Грушине составили книгу «Первопроходцы мира мнений. От Гэллапа до Грушина» [7], ее второе издание запланировано на первый квартал этого года. В 2011 году увидела света моя первая биографическая книга; легко понять, она — о Джордже Гэллапе [8].

Осенью 2004 года, как оно и должно было быть, с биографической статьи началась российская часть проекта, именно эта статья стала импульсом для исторической направленности последующей деятельности. Все было естественно, поскольку к тому времени я уже несколько лет был погружен в прошлое изучения общественного мнения в Америке, постольку у меня возникло желание написать о Б.А. Грушине, работы которого мне были известны с конца 1960-х, а наши добрые личные отношения сложились весной 1985 года. У меня был небольшой очерк «Линия Грушина», вошедший в книгу о Ельцинской эре, и мне казалось, что на основе этого очерка я напишу статью о Грушине «малой кровью за пару дней». Но все оказалось совсем не так, начиная работу, я не понимал, насколько сложно писать о человеке, которого знаешь или знал и которого лично или по публикациям знают многие будущие читатели.

В последующие годы были опубликованы объемные статьи и краткие заметки о значительном числе советских социологов, перечислю не всех и расположу героев моих текстов в ал-

фавитном порядке: А.Н. Алексеев, Г.С. Батыгин, И.А. Голосенко, В.Б. Голофаст, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Я.С. Капелюш, Л.Е. Кесельман, И.С. Коц, С.А. Кугель, Ю.А. Левада, Б.С. Раббот, Г.И. Саганенко, Г.В. Старовойтова, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсов, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин. Самые развернутые работы этого жанра — две небольшие книги о Б.А. Грушине и В.А. Ядове.

Чем детерминируется мой выбор героев для биографического анализа? Прежде всего, моим расположением к их жизненному пути и сделанному ими. Работа над биографиями — это разновидность общения с ними, и, естественно, писать надо о тех, с кем это общение обещает быть комфортным для пишущего и значимым для науки. По мнению Б.Г. Кузнецова, опубликовавшего много биографических книг, монография об Альберте Эйнштейне получилась хорошей, потому что его внутренний диалог с Эйнштейном был главным содержанием его внутренней жизни в течение десятилетий [9, с. 4], тогда как книга об Исааке Ньютоне, до внутреннего мира которого Кузнецов не смог добраться, показалась автору неудачной [9, с. 14].

Имеет смысл сказать о сходстве и различии работы над портретами тех, кого не знал, кто жил десятилетия назад, и социологов, которых в момент написания биографии знаешь или знал их при жизни. Мысленный диалог не имеет ни временных, ни пространственных границ, но он пропитан массой социокультурных знаков и обстоятельств, порождает массу различного рода ассоциаций. Я это остро ощущал при изучении биографий американцев, живших в разные периоды XIX века. Однако не менее серьезная проблема диалога заявляют о себе и в работе над биографиями современников, которых многие знают. Ведь впечатления, представления о человеке, о котором они будут читать, могут не совпадать с утверждениями биографа. Возникает тема недоверия автору.

Здесь мы касаемся одной из серьезных проблем «портретирования»: объективен ли биографический материал? Можно спросить иначе: «похож ли человек, представляемый в биографической книге на себя? Прежде всего, многое зависит от биографа, от объема и качества известной, доступной ему информации, от объемности и детальности создаваемого портрета. Но есть и, на первый взгляд, внешнее обстоятельство, речь идет о поводе, причине написания о человеке. Одно дело, если историк, биограф специально изучает жизнь и творчество близкого ему исследователя и пишет его научную биографию. Применительно к советским социологам мне (пока) подобное не встречалось. Мне приходится писать либо навстречу или по следам юбилея ученых, либо в память об ушедших коллегах. Но повод для создания текста, как и априорные жесткие ограничения на его объем — это мощная «рамка» для творчества биографа.

Очевидно, вопрос, который мы обсуждаем применительно к написанию портретов социологов, имеет не частный характер, соответственно, и искать ответ на него надо искать с достаточно общих историко-научных и культурологических позиций. Почти десять лет назад тема отношения к герою биографического анализа обсуждалась в моем интервью В.А. Ядову, он спросил меня: «Ты не скрываешь своей пристрастности к героям. Это так? А если да, то возможны упреки в необъективности» [10]. Я согласился с Ядовым, но склонен трактовать этого рода «необъективность», если здесь нет прямой фальсификации, мифологизации и тому подобных операций, противоречащих на-

учному подходу к биографированию, как процесс познания, как эффект многоаспектности анализа сложного явления. Конечно же, написанная биография — всегда отвечает времени ее создания, базовой установке на прожитое и сделанное героем повествования. Представление истории жизни творческого человека — не может не быть авторскими. Анна Ахматова и Марина Цветаева писали о «своем Пушкине».

Пожалуй, еще отчетливее субъективность портретов видна в живописи, искусстве наиболее близком к литературе. Известны три портрета Ф.И. Шляпина, сделанные тремя выдающимися художниками: реалистический, черно-белый графический портрет Валентина Серова (1905), мягкое, наполненное летним воздухом импрессионистское полотно Константина Коровина (1911) и реалистическая фигура актера, изображенная Борисом Кустодиевым (1922) на лубочно-празднично-балаганном фоне. Не возникает сомнения в том, что всюду знакомый нам по фотографиям Шляпин, но каждый из этих портретов порождает свой, особый образ личности певца.

И закончу мои самые предварительные рассуждения о написании биографий ученых, словами Б.Г. Кузнецова, сказанными более сорока лет назад: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» [11, с. 4]. Таким образом, приходится осознавать, что и биографии российских социологов, собранные мною в ходе интервью с ними, и создаваемые мною их портреты, формируют определенный взгляд на наше прошлое, и в этом смысле меняют его. Но как иначе? Прошлое всегда говорит голосами его создателей и его очевидцев.

Литература

1. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс] / редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И.-М.: ЦСПиМ <http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm>.
2. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии <http://cdclvunlv.edu/archives/Comments/doktorov_kozlova.html>.
3. Кузнецов Б. Г. Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками. — М.: Молодая гвардия, 1975.
4. Докторов Б. Все это вместила одна жизнь. Б.Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки. См.: [1], Том 9. <http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_9_1.pdf>.
5. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. <<http://www.pseudology.org/Gallup/ReklamaOprosy.pdf>>.
6. Holli, Melvin G. The Wizard of Washington: Emil Hurja, Franklin Roosevelt, and the Birth of Public Opinion Polling (Palgrave Macmillan). 2002.
7. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=323>>.
8. Докторов Б. Джордж Гэллаг. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф — Информ», 2011 <http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf>.
9. Кузнецов Б.Г. Встречи. — М.: Изд-во Наука, 1964.
10. Докторов Б. «Работа над биографиями — это общение с моими героями» (интервью В.А.Ядову) // Социальная реальность. 2008. №1. С.85 — 104 <<http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-317.pdf>>.
11. Кузнецов Б.Г. Разум и бытие. М.: Наука, 1972.